

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э54

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Эмдин, Андрей.
Э54 Когда ты проснешься... / Андрей Эмдин. —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100420-0

«Как меня зовут?»

Странный вопрос от странной девушки, верящей в волшебство и ночами собирающей огоньки на пляже. Их встреча на идеальном острове, где всегда светит солнце, а люди приветливы, не случайна. Но кому выгодно создавать совершенные условия для возникновения взаимного притяжения? И чем может обернуться это совершенство, когда его станет слишком много?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100420-0

© Эмдин А., 2019
© Вацлавский Б., фото автора, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Посвящается всем, кто проснулся

1

Прущие в гору пеняют мне, мол: «Экий неторопливый!»
Я отвечаю: «Кто понял жизнь — ходит не семеня!»
Двигается лето на острова, рябью идут проливы,
Я покидаю чужие сны — ну как ты в них без меня?

«Чужие сны», Олег Медведев

7

Смеюсь, как никогда в жизни. Волны безудержно-го смеха тисками сдавливают грудь, некоторое время не отпускают, грозя удушьем, а потом проваливаются вниз живота, даря секундное облегчение. Смотрю на изображение в маленьком экране монитора, и тесное, слабо освещенное помещение охраны сотрясают все новые взрывы хохота.

Охранник дядя Боря сдержанно ухает в усы густым басом. На его суровых глазах поблескивают едва заметные в свете экранов слезы.

— Александр Владимирович... Саша... — Охраннику приходится отвернуться от монитора, чтобы представшая там картина не спровоцировала новый приступ хохота. — Надеюсь, меня после этого не уволят? Ты же знаешь, как сложно найти работу в моем возрасте. Ну, повеселил старика, ну, стервец!

Не переставая улыбаться, утираю слезы и сдавленно всхлипываю:

— Не волнуйтесь, дядь Борь, Вадим ничего не сделает, это я гарантирую. Но какой шик! Какое исполнение! — Одобрительно хлопаю по плечу бывшего милицейского, а ныне начальника службы безопасности Бориса Сергеевича. Неслыханное панибратство, которого никогда бы не допустил, не окажись мы волею случая соучастниками этого веселого мероприятия.

Смех сближает лучше любых заверений в вечной любви, надежности и верности. Вместо отвратительного кофе, который обычно подают на совещаниях в сверкающих стеклом и металлом небоскребах длинноногие секретарши, стоило бы включать скучным дядькам в костюмах несколько серий комедийных передач. Полчаса общего смеха над глупыми шутками сблизили бы присутствующих гораздо сильнее банальных предварительных корпоративных ласк с графиками и презентациями.

Борис Сергеевич в силу особенностей профессии смеялся редко. Было приятной неожиданностью узнать, что старик сохранил чувство юмора. А вместе с ним и некоторые связи в органах, без которых сегодняшняя шалость попросту не удалась бы. Но теперь дядя Боря беспокоился, и вполне оправданно: шутить пусть и с не единственным, но все-таки директором — дело опасное, сопряженное с туманными перспективами быть уволенным.

Снова бросаю взгляд на монитор. Несмотря на небольшие размеры экрана и низкое качество изображения, на картинке четко просматривается растерянное, полное противоречивых эмоций лицо Вадима — моего лучшего друга и партнера по бизнесу. Тот стоит в окружении внушительных парней с автома-

тами в черной камуфляжной форме и масках с прорезями для глаз. Папки в его кабинете разбросаны, рубашка выбилась из безупречно отглаженных брюк, галстук ослаблен и неестественно свешен набок. Вадим стоит перед открытым сейфом, где красуется абсолютно неуместный в этой ситуации... праздничный торт.

За двадцать минут до этой, полной сюрреализма, развязки по приглушенной, выверенной за годы службы команде дяди Бори «Начинаем!» в офис небольшой рекламной фирмы ворвалась дюжина бойцов. Гости аккуратно, планомерно и бережно («Бережно, орлы, бережно!» — шипел в рацию дядя Боря) рассчитали весь персонал на первый-второй, после чего направились в кабинет Вадима, где произвели не очень тщательный, но весьма убедительный обыск. Для виду даже отключили от сети несколько компьютеров, демонстрируя намерение забрать их с собой. В довершение силовики потребовали владельца кабинета открыть сейф, в котором Вадим хранил не совсем законные предметы и документы. Всегда сдержанный и правильный директор, несколько раз за время обыска сменивший цвет лица с зеленого на пурпурный, дрожащими руками — уже ожидая худшего — выполнил просьбу серьезно настроенных визитеров. И как только из недр сейфа появился совершенно неуместный в этой ситуации торт, в кабинете наступила гробовая тишина.

В тишину погрузился весь офис, и только в одном помещении двое хулиганов — молодой и в меру безбашенный соучредитель и пожилой, умудренный опытом охранник — разразились громким хохотом.

Клянусь, если бы не громко стучащая в висках Вадима кровь, он мог бы услышать доносящиеся из дальнего кабинета звуки.

— Ладно, дядь Борь, — я пожимаю мужчине руку и вытираю краем футболки проступившие слезы, — пойдете сдаваться имениннику.

Мы выходим из укрытия и, протискиваясь сквозь взволнованные группки шепчущихся сотрудников, направляемся к месту проведения спецоперации.

— Александр Влади... там... — кидается в нашу сторону побелевшая от ужаса стажерка.

Отмахиваюсь от нее жестом, который может означать что угодно. В том числе уверенность, что ее молодой начальник сейчас одной рукой уложит спецназовцев, а другой немедленно перенесет весь офис и в первую очередь ее в безопасное место. Предположение о фантазиях стажерки о ее путешествии на руках начальника было, судя по всему, не так уж далеко от действительности. По крайней мере кидаемые ею взгляды и якобы случайно занимаемые в моем присутствии неестественные, как ей казалось, пикантные позы говорили о наличии таковых в голове показавшейся мне поначалу скромной девушки.

В какой-то момент, признаюсь, глянул было с интересом, но потом одернул себя: абсурднее секса с подчиненными может быть только секс за рулем мотоцикла — и в том и в другом случае за минутную слабость рискуешь поплатиться.

Мы заходим в кабинет Вадима, где уже в полной мере наслаждаемся приятными подробностями произошедшего, которые не смогли передать старенькие мониторы на посту охраны, а именно: тяжелым ды-

ханием Вадима, проступившими на его лбу каплями пота и полным хаосом в комнате.

— Саш... это... это что? — сглатывая после каждого слова, спрашивает растерянный друг, показывая на открытый сейф.

Невозмутимо прохожу мимо застывших, точно каменные изваяния, людей в форме к сейфу, зачерпываю пальцем крем с верхушки торта, сдвигая букву «С» в надписи «С днем рождения, Вадим!» и отправляю в рот.

— Это торт, Вадик, — сообщаю, казалось бы, очевидное партнеру. — Между прочим, прямиком из Бельгии, «Шоколя де Труа» — так его там называют. Мы, простые смертные, говорим «Три шоколада», но ты ведь ничего, кроме пирожного «Картошка» по три пятьдесят из школьной столовой, не уважаешь, правда?

Подхожу к ошалевшему Вадиму и горячо его обнимаю, не сильно заботясь о чистоте рубашки друга после контакта белоснежной ткани с измазанной в шоколаде рукой.

— С днем рождения! — громко шепчу я ему на ухо и начинаю аплодировать.

Находящиеся в помещении люди, с заметным удовольствием наблюдающие за разыгрываемой сценой, подхватывают. Вадим смущенно поправляет галстук, молча обводит взглядом хлопающих зрителей и неожиданно выдает такую реплику, за которую мне становится неловко даже перед дядей Борей, хотя тот и сам зачастую не стесняется в выражениях.

Я искренне уважал этого сурового, не смирившегося со своей ненужностью в силовых органах старичка. Борис Сергеевич (в компании мы его ласково назы-

вали дядей Борей) был личностью волевой и сильной. Отдавший бóльшую часть жизни службе в Министерстве внутренних дел, он вдруг оказался за бортом в результате очередной реформы. «Нужно давать дорогу молодым!» — неожиданно сообщило Борису Сергеевичу руководство и, с почестями проводив, заменило более молодыми, перспективными и амбициозными кадрами.

Дядя Боря оказался не единственным, кто в те сложные годы проиграл неравный бой с системой. Большинство его боевых товарищей спились, не в силах вынести ощущения своей ненужности. Однако пожилой военный не растерял бодрости духа и предусмотрительно перешел с государственной службы на коммерческую. Мы взяли его на работу и ни разу не пожалели — дядя Боря оказался настоящим профессионалом и не раз выручал нас с Вадиком. В том числе и в щекотливых, не всегда законных вопросах. Что поделывать, бизнес есть бизнес!

Дядя Боря оставался в нашей стремительно меняющейся среде оплотом старомодного уюта, островком железной нравственности и чести, которой так не хватает современному миру.

Я относился к дяде Боре с сыновьим уважением, и он в точном соответствии с выданной ему ролью по-отечески хмурил брови, когда я нетрезвый заявлялся в офис после полуночи, чтобы показать очередной новой знакомой «закулисье рекламного бизнеса». Эти ночные экскурсии редко заходили дальше кожаного дивана в моем кабинете, а когда они заканчивались, дядя Боря неизбежно встречал нас со спутницей на обратном пути, стоя в дверях своей комнаты в конце коридора. «Здрасьте», — густо ба-

сил он, прищуривая глаза и помешивая чай в старой оранжевой кружке со свешивающимся с краев паке-тиком. Мои спутницы что-то пищали в ответ и исчезали в проходе, а дядя Боря укоризненно качал вслед головой, когда я оборачивался перед выходом из офиса.

К моменту, когда Вадим закончил свое непечатное выступление, у меня не осталось сомнений, что даже бойцы, немало повидавшие на своем веку, густо покраснели под своими непроницаемыми масками. Я улыбаюсь и развожу руками.

— Ну и сволочь же ты, Саша... — шепчет партнер, и напряжение на его лице сменяется улыбкой.

Поняв, что спектакль окончен, дядя Боря кивает «орлам», и те дружно направляются к выходу, гремя тяжелыми сапогами по нежному офисному паркету.

— Спасибо вам! — горячо благодарю я дядю Боря. — Я целый год так не смеялся, с прошлого раза, когда разыгрывал Вадима. Тогда я ему...

— Замолчи! — рычит взявший себя в руки Вадим и легонько тычет меня в плечо, после чего направляется к зеркалу приводить свой внешний вид в порядок.

— Молчу-молчу! — картинно вскидываю руки я и обращаюсь к пожилому охраннику: — Пожалуйста, соберите всех, будем праздновать.

Мы с Вадимом приводим в чувство перепуганный персонал и следующий час проводим в неожиданном для сотрудников чаепитии. Коллеги с удовольствием уплетают извлеченный из сейфа торт и на все лады пересказывают друг другу произошедшее, перебивая и приукрашивая повествование все новыми деталями.

— Хорошая традиция. Никогда не перестанет мне нравиться! — говорю я Вадиму, когда мы спустя несколько часов, поблагодарив коллег за участие, закрываемся в его кабинете.

Падаю на диван и под неодобрительные взгляды друга закидываю ноги на кофейный столик. Под подошвами ботинок оказывается журнал с изображенным на обложке солидным господином в унылом сером костюме и галстукке, которому такое обращение наверняка пришлось бы не по душе.

— Должен признать, — задумчиво говорит Вадик, подойдя и столкнув коленом мои ноги со стола, — с каждым годом ты становишься все изощреннее в своих розыгрышах. Иногда я даже начинаю жалеть, что согласился на это десять лет назад. Но меня успокаивает то, что всего через неделю... — тут он, коварно усмехнувшись, выдерживает драматическую паузу, — наступит моя очередь делать твою жизнь невыносимой.

С Вадимом мы знакомы почти двадцать лет, десять из которых традиционно вместо подарков на дни рождения устраиваем друг другу сумасшедшие розыгрыши. Дни нашего появления на свет следуют с интервалом в неделю, и меня с юности возмущало то, что Вадим, которому посчастливилось родиться первым, имеет огромную фору в том, чтобы переплюнуть своим выступлением все мои спектакли.

Впрочем, этим преимуществом Вадим пользовался редко. Несмотря на то что росли мы вместе, наши представления о жизни оказались до невозможного разными. Вадим — всегда спокойный и рассудительный, человек, исповедующий Планирование и Прак-

тичность как две основные религии. И я — сумасшедший ураган, мало к чему в этой жизни относящийся серьезно и убежденный в том, что извлечение удовольствия из каждой промелькнувшей секунды есть главная суть и смысл жизни. Нетрудно догадаться, что розыгрыши Вадима были полным отражением его характера: тщательно выверенные, идеально спланированные, безопасные... и оттого предсказуемые и скучные.

Однако, несмотря на различия в темпераментах и взглядах на жизнь, нам каким-то чудом удалось несколько лет назад создать общее дело. Еще большим чудом было то, что оно существовало и по сей день. Невозможная смесь из хозяйственности Вадима и моей неугомонности вдруг оказалась неожиданно продуктивной. Созданное нами рекламное агентство хоть и не хватало звезд с неба, но обеспечивало нас с Вадимом и еще два десятка сотрудников всем необходимым. Не обеднело агентство и в тот момент, когда в семье Вадима произошло пополнение.

У предсказуемо рано женившегося друга недавно родилась дочь. Мы вместе встречали его супругу из роддома, и едва завидевший укутанную розовую малышку Вадим расплылся в отеческой нежности, утонул в ней с головой да так и не вынырнул обратно, с гордостью приняв внушавший мне ужас статус семейного человека.

Некоторое время я подзуживал старого приятеля на предмет его внезапно наступившей старости («Не старости, а зрелости!» — каждый раз занудно поправлял меня Вадим), а потом оставил счастливого друга в покое. В конце концов, принимать счастье близко-